

Агриппина

Наталья Егорова

ФАНТАСТИКА

Главред походил на мультяшного суслика. Мягкими щечками, взъерошенным, песочного цвета, хохолком и манерой вытягивать шею из жесткого воротника при обращении к собеседнику. Вот только глаза у него были, как дула двустволки.

— Опыт работы у вас, э...?

— Три года, — торопливо подсказал Антон, — в «Модном софте».

И мгновенно укорил себя за суетливость. Нельзя показывать, что тебе нужна эта работа — так пишут во всех пособиях. Спокойствие, надежность, уверенность. Руки расцепить и на стол.

— Это журнал?

А то в резюме не видно, что журнал!

— Да. Популярный. Компьютерная тематика.

— А почему ушли?

Поди ответь. Честно признаться, что вылетел за излишнее наукообразие и отсутствие уменьшительных суффиксов? «Очаровательная программка» вместо «оптимального решения» и «симпатичные кнопки» вместо «удобного интерфейса». «Самая модная программка этого месяца» — вот гадость-то какая!

— По личным причинам.

— Да? — заинтересовался главред. — Конфликтовали с руководством?

— Н-ну... (как бы это сформулировать обтекаемо?). — Видите ли, в редакции работали одни женщины...

Строго говоря, был еще бухгалтер сильно пенсионного возраста, обремененный детьми, внуками и дачей в районе Истры, и мальчишка-сисадмин. Но мальчишка был занят исключительно железками, на флиртующих дамочек внимания не обращал, а на их вопросы отвечал коротко и непонятно.

Так что все внимание девушек обрушивалось на Антона.

— Антончик, не посмотришь, чего у меня не печатается?..

— Антоша, а куда у меня Интернет пропал? Вот тут была кнопочка с синенькой буквочкой...

— Антонио-о, а ты новую игрушечку ви-идел?..

И за спиной без конца шу-шу-шу, хи-хи-хи. Главное, не дай бог выделить одну — остальные тут же начинают мелко пакостничать. То карандаш утащат, то кофе на мышиный коврик прольют. А восьмое марта — вообще ежегодное разорение.

— Угу, угу, — покивал главред. — С этим понятно. А что вы думаете об НЛО?

Вот оно, начинается. Как должен ответить потенциальный работник журнала «Взгляд в невозможное»? Антон подобрался и поправил очки.

— Ну, на основании имеющихся данных можно говорить и о естественной их природе, и о технологической. Впрочем, может быть, в некоторых случаях... имело место добросовестное заблуждение, э, контактеров... Тема-то популярная, — неловко закончил Антон.

— А о домовых что думаете?

— Н-ну, нельзя отрицать, что свидетельства якобы очевидцев (зачем он сказал «якобы»? поменьше скепсиса) в основных чертах совпадают... Видимо, можно предположить...

— А о возвращении мертвецов с того света?

— Н-ну...

Глубокомысленное английское «well» звучит гораздо интеллигентнее, чем наше неуверенное «ну». Жаль, что все познания Антона в английском заканчивались на этом слове.

— Н-ну, — продолжил он, — массовое сознание склонно смешивать реальные случаи, когда хоронили людей, впавших в летаргический сон, и мифы о...

— Короче, Антон... — взглянул редактора мимолетно коснулся лежавшего перед ним резюме, — Викторovich, вы во все это верите? Да или нет?

Да уж, короче не придумаешь. Антон вспотел от напряжения, мушиные лапки щекотно побежали за воротник. «Да, конечно», — вот так ответить и изобразить искренность на лице. И ладони на стол — дескать, я открыт, я спокоен.

Но ведь потом придется доказывать. Вздох расписывать процесс контакта с зелеными человечками, ужасаться загробной мести загубленного родственника. «Самый модный домовой этого сезона...»

Если подумать, то так ли ему нужен именно этот журнал? Хотя, конечно, тираж... и зарплата соответствующая.

— Нет. В целом — нет. — И добавил, будто это что-то объясняло: — Я заканчивал технический институт.

Главред откинулся на спинку кресла, отвел дула глаз к потолку.

— У нас вы будете работать с письмами читателей.

У нас? Он не ослышался?

— Извините... я сказал, нет. Не верю.

Придурок, зачем он настаивает? Должность была уже в кармане.

— Именно поэтому вы нам подходите, — услышья физиономия осталась невозмутимой. — С теми, кто исто-во верит во всю эту околесицу, работать невозможно.

Однако!

— Главное, — продолжил главред, — не зацикливать-

ся на пережевывании старых сенсаций, надежнее создавать новые. — И без перехода: — Вы будете Агриппиной.

— Простите?

— Будете так подписывать вашу колонку. Фактически вам нужно будет разработать эту роль до мелочей. Вам ведь придется не только на письма отвечать, а впоследствии и интервью давать — естественно, заочно. Я бы начал, скажем, с образа молодой женщины, житейски мудрой, но не без ехидцы.

— Но я...

— Вас это напрягает? То, что вы будете подписываться женским именем?

— Да нет, но...

— Пойдемте, я покажу ваше рабочее место. Корреспонденция у нас и бумажная, и электронная, большая часть — хлам, а из оставшегося будете выбирать самое интересное. Сумасшедших приветствовать, но не поощрять. Пока все понятно?

— Н-ну...

Готовясь к собеседованию, Антон старательно изучил три номера «Взгляда в невозможное». Журнальчик был, в общем, так себе; никогда не подумаешь, что в нем такие деньги платят. Рыхлая бумага, иллюстрации, заставляющие подозревать художника в шизофрении (одни лица в клеточку чего стоили!), бермудские треугольники, лешие, полтергейсты и прочая метафизическая мишура. Интересен журнал был, пожалуй, лишь своими персонажами — постоянными ведущими рубрик и раздельчиков.

Например, дед Макар Игнатич — реликт из заброшенной деревни, виртуозно бранившийся с зелеными человечками из НЛО, которыми окрестная глушь так и кишела. Еще была престарелая девица Лилия Белоглазова — жеманная хранительница фамильных тайн и леденящих душу историй о привидениях. Была хитрая гадалка Руфия, от чьих предсказаний ощутимо веяло нейро-лингвистическим программированием. Еще: сладкая парочка Вилен Саранов и Вольдемар Кизяков, которые копались в технических подробностях таинственных катастроф, то и дело ссылаясь друг на друга и ведя непрерывные споры. А еще некто А. Бельмонт (не иначе, производный от Бальмонта и Бельмондо), эстет и мистик, густо замешивавший свои статьи на литературных аллюзиях и постмодернизме. И так далее и тому подобные.

Закулисье же «Взгляда в невозможное» оказалось помещью психбольницы и балагана. Ибо здесь никто не походил на себя журнального.

Дед Макар оказался хрупкой шатенкой Юлечкой, голубоглазым эльфом; она не ходила, а левитировала, не касаясь разбитых паркетин, и была готова упасть в обморок от малейшей грубости. Эстет Бельмонт предстал бабником и матершинником по фамилии Козловский, к чьим губам навечно прилипла жеваная сигарета. Девушки оказывались циничными мужиками, скептические технари — восторженными лириками, а Саранов с Кизяковым — и вовсе супругами Галей и Витей, пребывавшими последний десяток лет на грани развода, хотя это не мешало им совместно копать в катастрофах и сенсациях.

Вот разве что генерал-бабка Ника по возрасту оказывалась где-то рядом со своей аватарой Белоглазовой. Зато в остальном она оставалась реликтом советского времени — в кофтах с люрексом, с громадными брошками, с выкрашенной хной жестко завитой шевелюрой (хнойная барышня, как отрекомендовал ее Козловский). Поговаривали, будто она раз пять побывала замужем и всех мужей методично свела в могилу. Глядя в горящие из-под огненных вихров глаза, Антон верил.

Откуда в каждом из них (и соответственно в статьях) брался чуждый язык и странные мысли, оставалось загадкой.

Познакомился Антон и с художником. Коренастого, быковатого, с низкой линией жестких волос, его легко было представить за рулем джипа или с бутылкой пива в короткопалой руке среди шумной компании у подъезда. Однако, вопреки производимому впечатлению, он изъяснялся на хорошем русском, пива не пил, а на рабочем столе держал учебники по психиатрии, густо утыканные закладками. Антон испытал настоящее потрясение, когда выяснилось: свои безумные иллюстрации он методично компилирует из симптомов психических отклонений.

— Это производит хорошее впечатление, — пожимал он литыми плечами. — Если ты псих, можешь сойти за гения. Если можешь сойти за гения, в твоих работах будут находить все, что угодно — от свежего взгляда до глубокой философии.

Насчет философии Антон поспорил бы, но черви с лицами женщин-вамп и сутулые люди с крохотными головами впечатляли.

Все роли, как радостно сообщил Козловский, придумывал главред...

Несколько дней Антону было не по себе. Главред казался маньяком, чудовищным кукловодом, который навязывал каждому чужую жизнь. Знать бы, в каких целях. И вовсе не успокаивало то, что постоянно раздвоенные журнальные персонажи дискомфорта вроде бы не ощущали.

Потом Антон успокоился. Привык.

«Уважаемая редакция! В нашем поселке постоянно происходят невероятные события, в реальность которых невозможно поверить. Не далее как вчера над магазином висел неопознанный объект эллиптической формы, вокруг которого распространялось яркое свечение...»

«Здравствуйте, редакция! Я постоянно сталкиваюсь с непознанным. Хочу рассказать несколько историй, которые произошли со мной в последнее время. Иногда самому не верится, что такое бывает, но это все происходит со мной взаправду. Например, год назад случилось...»

«Жили мы в деревне у родителей жены. Я в колхозе шоферил. Считалось, что шоферил. Потому что грузовик колхозный без конца ломался. Так что я больше чинил его. И был, значит, не шофером, а больше механиком...»

«...Помогите! со мной происходит невероятное, невозможное, всякие ужасные вещи! Мне кажется, у нас в доме поселился домовый и он меня ненавидит! Я уже

молоко ему ставила, как вы писали, и крошки оставляла, и пуговицы в духовке! А тут ночью просыпаюсь...»

«Многие не верют, что ведьмы существуют, а я верю. Только не знаю, как правильно выбрать хорошую ведьму по объявлению в газете. Может, вы в редакции подскажете, по каким параметрам надо выбрать...»

Антон потер уставшие глаза и переключился на статью.

«Дорогие мои! Сегодня мы поговорим о домовых и прочей мелкой домашней нечисти, с которой вынуждены уживаться. Эта задача кажется несерьезной перед проблемой, например, мужа-пьяницы или малогабаритной квартиры (кстати, в малогабаритной квартире домовые предпочитают не селиться), однако и она требует решения...»

Агриппина оживала.

С каждым разом он все проще подбирал нужные слова, а потом почти без содрогания ставил под текстом ее имя. Антон уже начинал представлять ее зрительно: темные волосы, выбивающиеся из-под пестрой ленты — интеллигентного варианта банданы; серые глаза с чуть поднятыми уголками — намек то ли на азиатских предков, то ли на стилистику аниме. И вкрадчивый голос, вещающий с рыхлых журнальных страниц.

«Как ни забавно, настоящая находка для домового — это хозяйка-неряха. Та, которая оставляет на ночь небубанный стол, недопитый чай в чашках и засыхающие хлебные горбушки. Домовой не брезглив, он охотно поужинает объедками, но стерильная чистота кухни приводит его в бешенство».

Агриппина обростала привычками и пристрастиями. Она не делала маникюра, носила туфли на низком каблучке и обожала грейпфрутовый сок. В ее доме стояла мебель из металлических трубок, а в аквариуме жил черепашка Кузя. Она терпеть не могла чиклит и рок, но обожала диксиленд и старомодные детективы про Пуаро и Коломбо.

«Домовой злопамятен, но неизобретателен. Методы, которыми он будет демонстрировать свое нерасположение к вам, в основном сводятся к мелкому полтергейсту и удушению во сне. Впрочем, в последнем случае до летального исхода дело не доходит: домовый отлично знает, кто его кормит».

У Агриппины на кухне стоял холодильник с огромной морозильной камерой, набитой полуфабрикатами: она не любила готовить, а ходить в кафе ей было лень. К дверце холодильника примагничены крохотные керамические скульптуры: голова жирафа, корабль в шторм (паруса обвисли с трех мачт), развернувшая крылья чайка.

Она варила кофе в медной турке и пила мартини из зеленого бокала, к которому не было пары.

Антону нравились не такие женщины. Брюнетки с сухими лодыжками и яркой помадой, насмешливые и резкие на язык. Он и Агриппину сделал бы такой, будь его воля. Одед бы ее в вызывающий гипюр, рассыпал по плечам смоляные кудри и нарисовал обольстительную линию от высокой шпильки к стройному бедру.

Однако клавиши по-прежнему выстукивали серьезные округлые фразы. Антон сердился, поминутно протирал очки, пил кофе, за крепость прозванный Козловским

ФАНТАСТИКА

«жидким асфальтом», но ничего не менялось. Похоже, следовало признать, что его воля слабовата.

«Домовой любопытен и шаловлив: он перекладывает с места на место ваши вещи, а некоторые прячет так, что их приходится искать неделями. Предки советовали в этом случае привязать домового ниткой за бороду к ножке стула...»

Иногда в пустой квартире ему чудились ее шаги.

«Пожалуй, я перескажу вам несколько пугающих историй, присланных нашими читателями, и вы сами убедитесь, что серьезно настроенный домовый может превратить жизнь хозяина в сущий ад. Вот, например...»

Она все чаще стояла у Антона за спиной. Приводя к себе случайную пассию, он ловил себя на том, что наутро старательно уничтожает все следы пребывания дамы, словно вот-вот должна вернуться из командировки жена. Задерживаясь допоздна в редакции, он пару раз машинально набирал домашний номер, чтобы предупредить... кого?

Не хватало только ее фотографии возле монитора.

— Антон Викторович, с днем рождения вас! — прощепетала «Макар Игнатьич» и поставила на стол кружку с задорной щенячьей мордой.

— Спасибо, Юль, только он у меня в октябре.

— Не может быть.

— Да серьезно. — Антону стало смешно. — Ну хочешь, паспорт покажу?

— Это я так ошиблась? Ой, ну надо же! — трепетный эльф едва не всхлипнул.

— Да ладно, Юль, с кем не бывает. Поздравление авансом — это здорово.

Несколько минут Антон сидел, тупо глядя в монитор. Под ложечкой шевелилось нехорошее чувство.

Март. Да, конечно, только в конце марта и могла родиться Агриппина. В самом конце марта, когда с крыш падают тяжелые капли, когда небо наливается живой синью, когда на слежавшихся горах снега расцветает ледяное кружево, когда дню достается все больше света, когда на душе так томно и странно. На стыке воды и огня, когда заканчиваются неповоротливые Рыбы и начинается непредсказуемый Овен.

Агриппина — да, наверное. Но не он же!..

Рассердившись на себя, Антон принялся раскапывать бумажный мусор, какой всегда накапливается вокруг компьютера. Старые номера «Взгляда в невозможное», распечатки науч-попа, наброски вкривь и вкось на мятых бумажках, mp3-сборники, книжка по html-верстке.

Неровно оборванный листок спланировал на пол, Антон дернулся его поймать — и рассыпал всю стопку. Чер-

тыхаясь, полез собирать. Дотянулся до улетевшей под батарею бумажки и недоуменно уставился на четкие строчки:

«Феномен «нехороших мест» весьма разнообразен как по своему происхождению, так и по симптомам проявления. Соответственно и объясняющих теорий существует великое множество...»

Что за черт! Это был его недавний материал, но набросанный округлым, даже изящным почерком с манерными петлями над «д» и «в». Юлька, что ли, переписывала с экрана? Да нет, глупости, зачем бы это. И потом, текст выглядит натуральным черновиком — с зачеркиваниями, исправлениями.

Словно испугавшись, он засунул листок в середину поднятой с пола стопки, а после разом зачихал весь бумажный хлам в корзину.

На следующее утро на рабочем месте его ждала кружка с горячим, только что заваренным чаем. Любимым чаем, зеленым с жасмином.

Чая между тем в редакции не держали. Только кофе.

Можно было бы списать это на дружеский жест Козловского или робкие ухаживания Юльки, но Антону стало неуютно. Да еще и «Макар Игнатьич» через минуту сунулась в дверь с возгласом:

— Слушай, Агрип... — и осеклась. — О, Антон, привет!

Подстегиваемый невнятной тревогой, Антон дописал ответы на очередную серию наивных писем («Как уберечься от похищения инопланетянами?», «Что делать, если нашел чужую булавку в одежде?», «Покупать ли квартиру, если кошка не хочет в нее заходить?»), набросал материалчик по контактам с зелеными человечками и распечатал — на будущее — пару статей о контролируемых сновидениях.

На следующий день на полях статей обнаружились заметки тем же округлым почерком. Заметки были дельными, сам Антон не написал бы лучше.

Или написал бы? Или — написал?..

В мусорной корзине валялся закончившийся тюбик губной помады. Довольно темный цвет, скорее коричневый, чем красный.

Антон чувствовал, что сходит с ума.

Диплом и серебристую фитюльку на подставке приволок Козловский. Похохатывая, шмякнул на стол, дополнил натюрморт городской газетой:

— Гордись!

Диплом сообщал, что ведущая почтового раздела журнала «Взгляд в невозможное» Агриппина удостоена премии читательских симпатий в ежегодном городском конкурсе журналистов. В газетной статье сокрушались, что дипломантка не смогла выбраться на церемонию награждения, где мэр собственноручно раздавал плюшки, ну и все такое, и «мы надеемся, что она продолжит радовать нас неподражаемыми обзорами».

Статуэтка изображала не то дистрофичную женщину, не то одноногую цаплю с женским лицом.

Антон снял очки и с усилием потер глаза. Не помогло: цаплеженщина никуда не исчезла, да и диплом ехидно ухмылялся стилизованной буквой «А».

Бред. Просто бред какой-то.

В дверях замаячил главред, уставил на Антона непроницаемый взгляд:

— Загляните ко мне, надо бы интервью дать.

Интервью, по счастью, было заочным, но уже на втором вопросе Антон вспотел. Подумать только: «Косметику каких фирм вы предпочитаете? Расскажите о вашей первой любви. Считаете ли вы себя феминисткой? Как вы относитесь к липоксациии?»

Кто такая эта липоксация, знать бы еще.

Некурящий Антон стрельнул у Козловского сигарету, десять минут кашлял, выпил две чашки кофе и полез в Интернет. Искать липоксацию и косметические фирмы.

Во втором интервью для гламурного журнальца Агриппина позволила себе немного личных взглядов, а в третьем — для «Модного софта» — Антон признался, что уменьшительные суффиксы в популярных статьях считает идиотизмом.

Под маской Агриппины можно было позволить себе мелкую месть.

«К сожалению, время передачи «С утра пораньше» заканчивается. Спасибо нашим гостям за интересный рассказ, это было очень познавательно», — ворковал женский голос из радиоточки.

Антон разбил на сковородку второе яйцо.

«Напоминаю вам, что в следующем выпуске у нас в гостях редактор журнала «Взгляд в невозможное» Агриппина. Не пропустите передачу «С утра пораньше» завтра с утра пораньше».

Яйцо плюхнулось на плиту. Антон в ступоре смотрел на пыльную коробку радиоточки, словно ждал подтверждения. Но откуда уже неслоься:

Там, где я родился основной цвет был серый.

Солнце было не отличить от луны...

Сейчас Антон не отличил бы солнца от яичной скорлупы. Совершенно идиотская ситуация: это бумаге все равно, какого цвета на ней буквы, но по радио Антон с его баритоном никак не сошел бы за женщину. И главное, почему его никто не предупредил?

Он не помнил, как добирался до редакции.

— По-видимому, это фальсификация. — Главред был безмятежен, даже взгляд сегодня словно потеплел. — Вы, Антон Викторович, не отдаете себе отчета в том, что ваш м-м-м... персонаж становится весьма популярным. У вас берут интервью областные журналы, скоро начнут переманивать конкуренты. Похоже, у вас получилась действительно интересная личность. То, что Агриппину никто никогда не видел, лишь подогревает любопытство.

— Но на радио придется расшифроваться!

— Да кто вам сказал, что вы будете выступать на радио? Увидите, завтра скажут, что участие Агриппины откладывается. Мы создаем свои сенсации, они свои, вот и все.

Но Антон уже не мог успокоиться.

На следующее утро он загодя занял пост возле радиоточки. Как назло, звук то и дело пропадал, а ближе к на-

чалу «С утра пораньше» и вовсе перешел в хрипы с повизгиваниями. Вроде бы сквозь помехи слышался женский голос, но был ли это голос ведущей или ее гостьи, и что они говорили об Агриппине, разобрать не удалось.

Антон пожалел, что не предупредил кого-нибудь из знакомых. Но что он мог им сказать? Вот это? Мне кажется, что я должен выступать по радио, но не могу выступать, потому что это должна быть женщина? Бред собачий.

В конце концов, любая тетка может сесть перед микрофоном и представиться Агриппиной. Кто станет уличать в обмане какую-то местечковую радиостанцию?

На клавиатуре лежала половинка шоколадки. Антон меланхолично дожевал ее, предпочитая не задумываться, кто съел первую половину...

У автобусной остановки ветер трепал объявление о встрече с читателями. Антон обреченно нашел в списке приглашенных Агриппину. И билетов на эту встречу в кассах не оставалось.

Следующее явление Агриппины ожидалось на местном телевидении, в программе «Битва гигантов». Антон чувствовал себя щепкой, попавшей в водоворот.

За час до передачи у него сломался телевизор. Жившие поблизости знакомые к телефону не подходили.

В половине восьмого он позвонил к соседу.

— Дядь Коль, у вас телевизор нормально показывает?

— Да вроде...

На экране мелькала реклама какого-то сока, следом реклама мобильных телефоны. Просить посидеть еще Антону было неловко: близких отношений с соседями он не поддерживал.

Никто из редакции, как оказалось, эту передачу тоже не видел. Юлечка отстраненно заметила, что телевизор не смотрит, Козловский развел руками: «Что ж ты заранее-то не сказал?»

Агриппина окружала Антона, но оставалась неуловимой.

Козловский гонял по экрану трехмерных монстров.

— Слушай, ты не купишь мне билет в ДК «Ударники»? На десятое, — уточнил Антон.

Козловский поставил битву на паузу и перегнал сигарету из одного угла рта в другой.

— А кто там играет?

Антон помялся и положил на клавиатуру рекламный листок:

«Редактор журнала «Взгляд в невозможное» Агриппина ответит на вопросы читателей. Невероятные факты и удивительные истории из журналистской практики. 10 сентября, ДК «Ударники».

— Не знал, что ты уже на встречи с читателями ходишь! — хохотнул Козловский. — И как она, слава? А сам-то ты как, на шпильки встаешь? Силиконовый бюстгальтер и все такое?

— Я тебя, как человека...

— Да ладно, молчу, чего ты нервный-то такой?

Тут Антон и рассказал, отчего он нервный.

— Главное, я никак билет на эти встречи купить не могу. Как заколдованные — то еще нету, то уже нету.

ФАНТАСТИКА

Может, у тебя получится, как у лица незаинтересованного. Должен же я разобраться, где меня подставляют!

— Всюду ждуть подставы — это паранойя.

Антон насупился. Козловский сделал предположение:

— А может, вы просто вдвоем работаете — ты статьи пишешь, а тетка эта по встречам мотается. Главред чего говорит?

— Говорит, что ничего не знает. Он может врать?

— Главред все может, да. Хотя на кой ему. Ладно, сгоняю тебе за билетами, потом расскажешь. Я б тебе составил компанию, но десятого наши с ЦСКА играют, понимаешь.

Он опоздал. В фойе Дома культуры кучковалась молодежь — из тех, кто вряд ли читают паранормальные журналы. Тетки-гардеробщицы застыли в своих окошках, нахохлились озябшими воронами.

Запахавшись, Антон взлетел по лестнице и осторожно приоткрыл тяжелую дверь.

Зал был полон. В полумраке едва различались лица, а на маленькой сцене желтый свет заливал одинокий стул с металлической спинкой, микрофон и крохотный столик с вазой цветов.

Антон вдохнул загустевший воздух и шагнул на скрипучий паркет.

По задним рядам пронесся гул. Люди оборачивались, лица озарялись узнаванием, кто-то восторженно свистнул. Антон сделал шаг и едва не упал, качнувшись на непривычно высоких каблуках.

Зал заплодировал.

Антон поднял руку ко лбу — это оказалась тонкая, изящная рука, на запястье болталась серебряная цепочка. Привычным движением пальцы отвели за ухо прядь темных волос, мимолетно оправили узкую юбку...

Под грохот аплодисментов, в желтом свете прожекторов, Агриппина торжественно шествовала к сцене.

Из первого ряда улыбался человек с невзрачным суслицым лицом и неожиданно пронзительным взглядом. Рядом с ним — хрупкая девушка, эдакий шатенистый эльф. И еще один: круглое лицо, полуоткрытый рот, растерянные глаза за стеклами очков.

Агриппина кивнула им и склонилась поближе к микрофону:

— Здравствуйте, дорогие мои. Я рада вас видеть.

